

© 2025. С. А. Стерликова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Юбилейные XX Весенние Толстовские чтения ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье, представляющей обзор Юбилейных XX Весенних Толстовских чтений, состоявшихся в ИМЛИ РАН 21-22 мая 2025 г. и посвященных 100-летию выдающегося ученого, текстолога, толстоведа Л. Д. Громовой-Опульской, рассмотрены выступления участников научной конференции и проанализирован широкий проблемно-тематический диапазон докладов. Раскрыта история учреждения Чтений и смысл их названия. Включенные в программу конференции доклады были посвящены Севастопольским рассказам, роману-эпопее «Война и мир», роману «Анна Каренина», повести «Крейцера соната» и драме «Власть тьмы», эпистолярному наследию писателя, воспоминаниям о нем и отзывам критики о толстовских произведениях; также были рассмотрены толстовские традиции в творчестве других авторов. Прозвучали доклады, посвященные различным аспектам религиозно-философских воззрений писателя. Круглый стол был посвящен воспоминаниям коллег о Л. Д. Громовой-Опульской — ученом и человеке, учителе, наставнике.

Ключевые слова: Весенние Толстовские чтения, ИМЛИ РАН, Л. Н. Толстой, Л. Д. Громова-Опульская, Севастопольские рассказы, «Война и мир», «Анна Каренина».

Информация об авторе: Софиянина Анатольевна Стерликова, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: kniga-klubsp@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 24.05.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 10.06.2025

Дата публикации статьи: 25.06.2025

Для цитирования: Стерликова С. А. Юбилейные Весенние Толстовские чтения ИМЛИ РАН // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 318–335. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-318-335>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 318–335. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 318–335. ISSN 2686-7494

Scientific Report

© 2025. Sophianina A. Sterlikova
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Anniversary 20th Spring Tolstoy Readings at the IWL RAS

Abstract: The article, which presents an overview of the 20th Anniversary Spring Tolstoy Readings held at the IWL RAS on May 21–22, 2025, and dedicated to the 100th anniversary of the outstanding scientist, textual critic, and Tolstoy scholar L. D. Gromova-Opulskaya, and examines the presentations of the participants of the scientific conference and analyzes a wide range of problematic and thematic reports. The article reveals the history of the establishment of the Readings and the meaning of their name. The reports included in the conference program were devoted to Sevastopol Stories, the epic novel *War and Peace*, the novel *Anna Karenina*, the novella *The Kreutzer Sonata*, and the drama *The Power of Darkness*, the writer's epistolary legacy, memories of him, and critical reviews of Tolstoy's works. The article also considers Tolstoy traditions in the works of other authors. The reports were devoted to various aspects of the writer's religious and philosophical views. The round table was dedicated to colleagues' recollections of L. D. Gromova-Opulskaya, a scientist and a person, a teacher, and a mentor.

Keywords: Spring Tolstoy Readings, IWL RAS, L. N. Tolstoy, L. D. Gromova-Opulskaya, Sevastopol Stories, *War and Peace*, *Anna Karenina*.

Information about the author: Sophianina A. Sterlikova, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: kniga-klubsp@mail.ru

Received: May 24, 2025

Approved after reviewing: June 10, 2025

Published: June 25, 2025

For citation: Sterlikova, S. A. "Anniversary 20th Spring Tolstoy Readings at the IWL RAS." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 2, 2025, pp. 318–335. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-318-335>

21 и 22 мая 2025 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук прошли юбилейные XX Весенние Толстовские чтения, посвященные 100-летию Лидии Дмитриевны Громовой-Опульской.

Первые Весенние Толстовские чтения состоялись в 2006 г., после ухода из жизни Лидии Дмитриевны и в память о ней как выдающемся российском филологе, текстологе, толстовед с мировым именем, многолетнем руководителе Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН, крупнейшем исследователе и издателе отечественной классики XIX в., главном редакторе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 100 томах, замечательном организаторе филологической науки в России.

Почему Толстовские чтения Весенние? Из четырех времен года за двумя уже были закреплены традиционные форумы, посвященные Толстому: в конце августа, ближе ко дню рождения писателя — в Ясной Поляне; в ноябре, в день его кончины — в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве. Между зимой и весной выбора быть не могло. Лидия Дмитриевна родилась 21 мая. И знаменитые начальные строки романа «Воскресение» так созвучны ее мироощущению, жизненной позиции.

Программа нынешних Весенних Толстовских чтений оказалась насыщенной. Традиционно был освещен широкий круг вопросов, связанных с современным изучением творческого наследия Толстого, его жизненного пути и роли в национальной и мировой культуре. Обращает на себя внимание не только тематическое разнообразие докладов, но и композиционная стройность научного форума.

Раннему периоду творчества Толстого был посвящен доклад д.ф.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ Ю. В. Лебедева «Севастопольский опыт Л. Н. Толстого на пути к “Войне и миру”», в котором глубоко проанализированы Севастопольские рассказы

писателя — участника героической обороны Севастополя, представляющие яркую художественно-публицистическую картину войны и мира, созданную по горячим следам, «с натуры». Идейно-поэтический строй севастопольской «трилогии» был рассмотрен докладчиком под углом зарождения у писателя будущего эпического замысла.

Заданный проблемно-тематический аспект поддержала д.ф.н., И. В. Дергачева докладом «Л. Н. Толстой и В. П. Калошин — участники Крымской войны», подчеркнув, что именно участие Толстого в Крымской войне, его стремление «быть до малейших подробностей верным действительности» лежит в основании яркого литературного памятника героическим защитникам Севастополя. В докладе отдана дань памяти Валентину Павловичу Калошину, отпрыску старинного рода, близкого Толстым. Он также служил в Севастополе; был убит 27 августа 1855 г. во время последнего штурма города неприятелем. Примечательно, что о пропаже В. П. Калошина, о собственном запросе в неприятельский лагерь, оставшемся без ответа, Толстой писал Т. А. Ергольской. Так героическая оборона Севастополя стала для писателя еще более личным событием.

В необычном ракурсе оказались рассмотрены Севастопольские рассказы в докладе к.ф.н. М. Н. Волвенкина «О специфике репрезентации военной медицины в Севастопольских рассказах Льва Толстого», что высветило еще одну грань «севастопольского опыта» писателя. В докладе были проанализированы образы врачей и медицинских сестер, а также сама логика врачевания в рассказах о Крымской войне. При этом выявлялись отличия от репрезентации медицины в других ранних произведениях писателя. Особое внимание было уделено восстановлению необходимого исторического фона, связанного с нововведениями Николая Пирогова в области военной медицины и служащего подспорьем для выявления логики толстовской мысли. Докладчик акцентировал мысль о том, что медицинская деятельность в Севастопольских рассказах не помогает преодолеть последствия войны, а подчеркивает их: взгляд писателя сконцентрирован не на борьбе врачей и медицинских сестер за жизнь, а на упорядочивании тех ужасов, которые несет война.

В докладе д.ф.н. С. Ю. Николаевой «Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого: проблема литературного контекста» был поставлен вопрос о необходимости расширить контекст восприятия толстов-

ского цикла, учесть как те традиции предшествующей русской литературы, которые воплотил писатель, так и влияние, оказанное Севастопольскими рассказами на последующую русскую литературу. С. Ю. Николаева напомнила, что наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой это произведение значимо как творческая лаборатория романа-эпопеи «Война и мир», как источник новаторских, реалистических приемов художественной баталистики. Также было отмечено, что в недавних публикациях М. И. Щербаковой глубоко раскрыта связь Севастопольских рассказов с широким кругом документальных источников (мемуарами, письмами, дневниками живых свидетелей и участников обороны Севастополя), с нравственно-психологическим содержанием эго-документов того времени. В докладе убедительно доказано, что эпическое начало, столь мощно проявившееся в «Войне и мире», присутствовало уже и в Севастопольских рассказах. Это подтверждается, как убеждена С. Ю. Николаева, явными типологическими связями с древнерусскими военно-историческими повестями, прежде всего со «Сказанием об осаде Троице-Сергиева монастыря» Авраамия Палицына и «Повестью об Азовском осадном сидении донских казаков». Кроме того, в докладе ясно прозвучала мысль о том, что «окопная правда», раскрытая Толстым, в значительной мере определила дальнейшие пути развития русской военной прозы XX в. (эпопея С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», «книга про бойца» А. Т. Твардовского «Василий Теркин», «лейтенантская проза» и др.). Справедлив и убедителен вывод, что Толстой именно в «Севастопольских рассказах» заложил традицию поиска художественного баланса между эпическим взглядом на исторические события «с высоты птичьего полета» и «окопной правдой» с ее вниманием к мельчайшим реалистическим, порой натуралистическим деталям и психологическим подробностям («дифференциал истории»).

Роман-эпопея «Война и мир» традиционно сохраняет свою притягательность для исследователей, что вполне доказали доклады д.ф.н. А. В. Гулина («Неочевидные источники “Войны и мира”»), д.ф.н. А. И. Иваницкого (Воронежский государственный университет) и д.ф.н. К. А. Нагиной («О возможных “фаустовских” подтекстах фигуры Пьера Безухова»), д.ф.н. Г. В. Мосалевой («Православный университет в романе Л. Н. Толстого “Война и мир”»), к.ф.н. В. И. Щербакова

(«Война и мир» в оценке Николая Соловьева»), д.ф.н. В. Г. Андреевой («Сотрудничество писателя и редактора: Л. Н. Толстой и П. И. Бартенева при подготовке первого книжного издания «Войны и мира»»).

А. В. Гулин поделился результатами выявления и анализа неочевидных, в отличие от легко узнаваемых и давно установленных, источников романа-эпопеи Толстого. Помимо таких известных исторических трудов и мемуаров, послуживших материалом для художественных сцен, изображения поступков, прямой речи, создания словесных портретов подлинных деятелей прошлого, в романе постоянно присутствует обширный слой едва различимых сведений, широко использованных Толстым при обрисовке психологии, жизненных ситуаций и положений, бытовых деталей, характерных для начала XIX в. На примере как неизвестных, так и недостаточно исследованных источников (исторических и литературных) докладчик показал, что стремление к постоянному, вплоть до мелочей, соотношению художественных описаний «Войны и мира» с подлинными реалиями прошлого является сквозным принципом в работе Толстого над романом. Если нам кажется, что отдельные сцены, положения, эпизоды являются тут исключительно плодом авторской фантазии, это означает только нашу малую осведомленность (порой неизбежную) в их исторической первооснове. В подавляющем своем большинстве они имеют некий вполне реальный первоначальный «импульс прошедшего», отстоящий дальше или ближе от возникающего в итоге художественного образа, но всегда необходимый Толстому. Одновременно выявленный принцип освоения материала позволяет более доказательно рассматривать в качестве источников некоторые не имеющие точного совпадения с романом документальные и художественные произведения, так или иначе оказавшиеся в поле зрения создателя «Войны и мира».

О возможных «фаустовских» подтекстах фигуры Пьера Безухова размышляли в своем докладе д.ф.н. А. И. Иваницкий и д.ф.н. К. А. Нагина. Судьба Пьера во многом суммирует духовные пути героев «Войны и мира». Осознавая жизнь в единстве ее социальных, моральных и природных измерений, герой Толстого приходит к «мысли народной»: духовному со-бытию людей природе и друг другу. Это происходит во французском плену в Москве, который представляет Пьеру нелепым в силу обретенной им духовной свободы: «Всё это

моё, и всё это во мне, и всё это — я!». Идейным источником такого «со-бытия» народа и земли, как считают докладчики, видится учение Й. Г. Гердера, вдохновившее Гёте на первую часть «Фауста». Заглавному герою такое единство является в Вальпургиевой ночи, обобщающей опыт народнопоэтического освоения природы в себе и себя в ней. Толстой переосмысливает роль антагониста героя. Гетевский Мефистофель, превращаясь по ходу драмы из библейского дьявола в немецкого черта, суммирует язычески олицетворенную природу и приобщает к ней Фауста. Враг Безухова и Ростовых, аморальный сластолюбец Долохов также выступает по отношению к Пьеру (как и к Ростовым) «полезным искусителем», романом с Элен раскрывая Пьеру тупиковый характер его брака и всего прежнего жизненного пути. Но роль эта отведена либертену, несущему противоположные Безухову и Ростовым смыслы бытия. Последовательно влюбляясь в свое сластолюбие, способность утолять его и превосходство над соперниками в этом утолении, Долохов становится воплощением гордыни — главной, по Толстому, преграды на пути человека к «мысли народной».

Г. В. Мосалева предложила вниманию аудитории результаты своих размышлений о присутствии в книге «Война и мир» православных субстанциальных символов. Прежде всего была названа соборность (через образы улья, русского гнезда, купола), восходящая к догмату Троицы. Свойства соборности присущи и авторскому сознанию. Толстой отразил в романе молитвенное обращение своих героев к Богу как высший тип общения, разные типы святости: юродство («Божьи люди»), воинскую доблесть на поле боя, мирское благочестие и духовный подвиг. Универсализм Московиты в романе тождествен Русскому православному космосу, простирающемуся за земные пределы. Петербург показан в романе как «чужой город», символом которого является масонский храм. Тема Святой Москвы как Святой Руси, — подчеркнула Г. В. Мосалева, — поддерживается и развивается в романе многочисленными храмовыми мотивами и сюжетами, изображением знаковых событий в связи с церковными таинствами (крещение, причастие, отпевание, исповедь, венчание), храмовых и внехрамовых богослужений. Главным, внутренним храмовым символом романа является образ Троице-Сергиевой Лавры. Все события разворачиваются в соответствии с церковным календа-

рем. И хотя Толстой отдает предпочтение неофициальной народной религиозной праздничности (к примеру, Святкам в отличие от Рождества), главным архетипом романа является пасхальный архетип. Условием обретения Христова мира в романе выступает жертвенная Любовь, приводящая любимых героев Толстого к счастью. Не случайно, первую часть эпилога можно назвать «свадебной», венчающей пути героев. В эпилоге мысль военная преобразуется в семейную, а в семье намечаются раскол и конфликт, упраздняющие идилличность финала романа.

«Сила жизни», которую Толстой ценил и безусловно принимал в своих любимых героях, угадана д.ф.н. Н. В. Капустиным в толстовской оценке рассказа А. П. Чехова «Душечка». Доклад исследователя так и назван: «Кого Толстой узнал в чеховской Душечке?» Заметив, что ни один из многочисленных интерпретаторов чеховского рассказа не обходился без упоминания авторского отношения к героине, по-особому понятого Толстым, Н. В. Капустин напомнил его слова: Чехов «намеревался проклясть» свою героиню, но «бог поэзии запретил ему и велел благословить». Речь шла, прежде всего, о зависимости Оленьки Племянниковой от мнений мужчин (и мальчика в финале рассказа), с которыми ей приходилось общаться. Согласно мнению Толстого, чеховская Оленька «навсегда останется образцом, чем может быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и делать счастливой тех, с кем ее сводит судьба». Это мнение (отличное от более сложного чеховского воплощения образа) основывалось на представлении Толстого о том, что зависимость женских «рассуждений» от мужских есть привлекательнейшее свойство женской натуры. Однако касается оно не всех, но только тех женщин, которые одарены способностью «выбирания и всасывания в себя всего лучшего, что только есть в проявлениях мужчины». Такой способностью, по мнению Н. В. Капустина, в Эпилоге романа «Война и мир» наделена Наташа Ростова, которая, как заметил Николай Ростов, не имея своих мыслей, может говорить только словами Пьера. Именно в Наташе Ростовой и узнал Толстой своеобразно понятую им Душечку Чехова. В пользу этого свидетельствует удивившая и поначалу огорчившая княжну Марью перемена в Наташе, полюбившей Пьера, хотя еще совсем недавно она любила ее брата. Н. В. Капустин не склонен считать, что Толстой усматривает в этом проявление негативное, но именно «силу жизни».

В докладе к.ф.н. В. И. Щербакова был представлен анализ критических выступлений одного из первых интерпретаторов «Войны и мира» — Николая Ивановича Соловьева (1831–1874), приведены малоизвестные суждения критика из статей, опубликованных в журнале «Всемирный труд» (1868), газете «Северная пчела» (1869) и авторском собрании сочинений «Искусство и жизнь» (1869), прослежена эволюция его оценок «Войны и мира». В. И. Щербаков отметил сходство некоторых утверждений Н. И. Соловьева с высказываниями Н. Н. Страхова (в том числе более поздними). Так, Н. И. Соловьев восторженно отзывался о мастерстве Толстого-художника, подчеркивая свойственное тому «чувство меры и гармонии», но не все принимал в его исторических воззрениях — указывая, в частности, на скептическое отношение писателя «к людям инициативы», неверие в военную науку и «военный гений», изображение «в комическом виде» Наполеона. В своем разборе «Войны и мира» Н. И. Соловьев уделял наибольшее внимание «миру» и проявлениям на войне «мирных инстинктов», поскольку они гармонизировали с мирными устремлениями его собственной натуры. Одним из «удачнейших» характеров романа-эпопеи критик считал Платона Каратаева — для него этот пленный солдат-крестьянин, любивший всех людей, стал наглядным воплощением христианского идеала. Вполне осознанно, как считает В. И. Щербаков, Соловьев поместил статью «Война или мир? Критика нового произведения гр<афа> Л.Н. Толстого» в конце трехтомного собрания своих сочинений: «Война и мир», с точки зрения критика, — важнейшее литературное событие 1860-х гг., органичный синтез «искусства и жизни». В заключительной части доклада была показана связь эстетических взглядов Толстого и Соловьева.

В докладе «Сотрудничество писателя и редактора: Л. Н. Толстой и П. И. Бартенев при подготовке первого книжного издания “Войны и мира”» д.ф.н. В. Г. Андреева рассмотрела взаимоотношения Толстого и Бартевева в 1860-е гг., преимущественно по их переписке в 1867–1869 гг., т. е. времени работы писателя и редактора над отдельным изданием романа-эпопеи. В. Г. Андреева обозначила непростые творческие отношения Толстого и Бартевева, показала, что писатель критически подходил к замечаниям редактора, проверял их и сразу же отвергал, если не считал уместными. И, напротив, безоговорочно

и с благодарностью принимал, если видел в правках справедливость. Работа Бартенева с текстом Толстого носила характер технический, творческий, фактографический, посреднический, Бартенев взаимодействовал с типографией и выступал своеобразным дешифровщиком правок и знаков Толстого. При глубоком взаимном уважении Толстого и Бартенева между ними сложились непростые отношения для сотрудничества с точки зрения психологии. Толстой и Бартенев считали себя находящимися примерно на одной степени интеллектуального развития людьми и вступали в отношения своеобразного соперничества, которое в том числе оказывалось связано с пониманием писателем и редактором истории, ее уроков.

В рукописном наследии Толстого до сих пор обнаруживаются неизвестные ранее подробности творческой истории произведений писателя. Своими наблюдениями и открытиями поделились д.ф.н. И. Б. Павлова («Дерево свободы в подготовительных материалах к роману Л. Н. Толстого о декабристах и восприятие писателем образа древа») и Г. Н. Ковалева («О происхождении двух музыкальных реалий из сна князя С. А. Облонского в романе Л. Н. Толстого “Анна Каренина”»).

И. Б. Павлова отметила, что Толстой придавал большое значение вопросу о влиянии на взгляды декабристов уроков мировой истории. В одной из Записных книжек, условно обозначаемой буквой «А» (1878), куда писатель заносил сведения для будущего романа, помещена запись, касающаяся гражданской свободы и ее цены: «Дерево свободы удобрить кровью». Порожденное политическим опытом Американских штатов и Великой Французской революцией, образное выражение о Древе свободы, произрастающем на почве, напитанной кровью, в различных вариантах распространилось в европейской культуре. История Америки и Франции XVIII – начала XIX в. сделала этот образ-символ и ритуалы, связанные с ним, хорошо известными и популярными в кругах представителей тайных политических обществ в России. В свете этих фактов неслучайным представляется внимание Толстого к мировому образу-символу древа. Для художника-мыслителя был очевиден мощный эстетический и смысловой потенциал, сокрытый в нем. Но ипостась этого образа, связанная с насилием, кровью, революционностью, была чужда духовному складу, мировосприятию писателя. Его влекла область эти-

ческая. В докладе И. Б. Павловой было показано, как Толстовская интерпретация образов безымянного дерева в рассказе «Три смерти», дуба в эпосе «Война и мир», липы и дуба в романе «Анна Каренина» соотносится с упорядочиванием, гармонией, единением личности и мироздания.

Г. Н. Ковалева напомнила, что первая встреча читателей с одним из героев романа «Анна Каренина», князем С. А. Облонским, происходит в момент его пробуждения и припоминания им подробностей удивительного сна. В этом сне стеклянные столы пели «*Il mio tesoro*, и не *il mio tesoro*, а что-то лучше, и какие-то маленькие графинчики, и они же женщины». Музыкальная фраза на итальянском языке — «*il mio Tesoro*» — все, что известно о первой реалии. О второй сказано еще меньше — «а что-то лучше». Относительно происхождения первой реалии Г. Н. Ковалева не соглашается с мнением В. В. Набокова о том, что это «слова из оперы Моцарта “Дон Жуан” <...>, которые поет дон Оттавио...», и выдвигает свою версию: источником является серенада Дон Жуана из 2-го действия одноименной оперы В. А. Моцарта, начинающаяся со слов “*Deh vieni alla finesra, o mio tesoro*” («Под окном здесь споем ей мы серенаду»). Цитата эта введена в сон героя в качестве его характеристики, призванной через музыкальную параллель лаконично обрисовать суть внутреннего мира князя, характер, привычки, склонности и образ жизни. Источник второй музыкальной реалии, как отметила Г. Н. Ковалева, был установлен благодаря усилиям М. С. Альтмана и Б. А. Каца. Немецкая фраза — “*Wein, Weib und Gesang*” (вино, женщина и пенье) — совпадает с заглавием вокального вальса Штрауса, заглавие которого — “*Wein, Weib und Gesang*” — заимствовано из афоризма, приписываемого Мартину Лютеру: «Кто не любит вина, женщин и песен, так дураком и умрет». Декларируемая в тексте вальса Штрауса и в афоризме М. Лютера любовь к женщине, вину и пению, как к трем источникам наслаждения жизнью, соотносится со стремлениями Облонского к новым чувственным наслаждениям. Происхождение двух музыкальных реалий из сна князя Облонского, как подчеркнула Г. Н. Ковалева, определяет цель их включения в роман: если первая реальность призвана раскрыть суть внутреннего мира героя, то задача второй показать, что является для него самым важным и ценным в жизни.

В докладе д.ф.н. Е. В. Николаевой «Сон — художественный текст — литературная традиция в творчестве Л. Н. Толстого» был представлен глубокий анализ творческой лаборатории писателя, выявлены оригинальные приемы его художественного мастерства, сформулированы важнейшие принципы поэтики, которые частично идут от жизненного опыта самого Толстого, в художественном тексте преобразованного и соотнесенного с литературной традицией древнего жанра видений.

Поэтике позднего творчества писателя посвятила свой доклад «Время и память в повести Л. Н. Толстого “Крейцера соната”» к.ф.н. И. Ю. Матвеева, подчеркнув при этом, что все творчество Толстого можно рассматривать как непрерывный процесс конституирования собственной личности, выявление целостного смысла ее бытия через акт припоминания. Автобиографический элемент, связанный с воспоминаниями эпизодов собственной ранней биографии, возникает уже в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» (1852–1857). Годы «духовного кризиса» для зрелого Толстого ознаменованы появлением «Исповеди» (1884), в которой воспоминания превращаются в осматривание своей жизни с целью моральной оценки, морального приговора. В начале 1900-х гг., по просьбе П. И. Бирюкова, который работал над биографией Толстого для французского издания, писатель стал восстанавливать факты своего прошлого; результатом явился текст «Воспоминаний» (1903–1906). Именно способность к воспоминанию, как отметила И. Ю. Матвеева, становится для Толстого основой представления о личности, которая оказывается сложным динамическим «организмом», предстает как «некое слитное своеобразие» (В. Д. Днепров). В поздних произведениях Толстого воспоминание часто играет роль художественного приема («Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Воскресение»). Но важно, что сам процесс воспоминания из конструктивного приема становится объектом изображения, определяет главное идейное содержание произведения — процесс воскресения сознания героя в его полной и истинной форме. Повесть «Крейцера соната» неразрывно связана с религиозно-философской концепцией времени, которая складывается у Толстого в 1880–1890-е гг. Воспоминание Позднышева, восстановление в сознании истории его семейной жизни, вплоть до «трагического эпизода» убийства жены, превращается

в акт «собираания личности» (Л.П. Карсавин), обретение понимания ложности своей жизни. В музыкальном эпизоде повести герою на мгновение открывается смысл истинной жизни, причем явлено это мгновение как «воспоминание» об абсолютном духовном измерении человеческого бытия. Однако, подвела итог И. Ю. Матвеева, катастрофическая дистанция между жизнью духовной и животной ведут героя к отрицанию духовного начала таких явлений как любовь и человеческая близость в пределах земного существования.

Т. Г. Толстолуцкая в докладе «Эволюция драматургического метода Л. Н. Толстого в драме “Власть тьмы”» обосновала мысль о том, что «возвращение» Л. Н. Толстого к драме в 1880-е гг. знаменуется эволюцией драматургического метода писателя. При сопоставлении комедии «Зараженное семейство» и поздней драмы «Власть тьмы» обнаруживается, что ранний драматургический опыт Толстого демонстрирует его приверженность к реалистической традиции. В свою очередь «Власть тьмы» представляет собой «пограничный» текст: несмотря на то, что влияние предшествующей традиции здесь еще велико, в пьесе уже обнаруживаются тенденции новой театральной эстетики (диалогическое наложение точек зрения, подтекст, формируемый музыкальностью и т. д.). «Власть тьмы» представляет собой, согласно утверждению докладчика, важный этап в трансформации драматургического метода писателя, определяя идейно-эстетическое своеобразие последующих толстовских пьес. «Художницей дерзости» Толстого восхищался в свое время А. А. Фет. Творческому взаимовлиянию двух великих художников слова посвятил свой доклад д.ф.н. А. В. Федоров, так и назвав его: «Гениальная дерзость: о творческих связях Л. Н. Толстого и А. А. Фета». Справедливо отметив, что изучением творческого взаимодействия Толстого и Фета занимались многие исследователи и тема является достаточно обширной, выступавший остановился на локальном аспекте такого взаимодействия, связанном с понятием дерзости как характеристики художника. Общеизвестна фраза Толстого про «лирическую дерзость» Фета как «свойство великих поэтов». Тем не менее, возможные интерпретации данной фразы далеко не исчерпаны, как и примеры поэтической реализации дерзости в творческом наследии А. А. Фета.

Позиция Толстого-художника, Толстого-мыслителя нередко служила своеобразным камертоном в идейном противостоянии совре-

менников. В докладе д.ф.н. Н. Н. Примочкиной «Идейный и религиозный спор о Л. Толстом в переписке М. Горького с В. Васнецовым» уникальный эпистолярный материал позволил по-новому взглянуть на сложные, даже конфликтные отношения двух крупнейших деятелей русской художественной культуры конца XIX – начала XX в. Обнаруженные документы, несмотря на их частный характер, поднимают главные вопросы человеческого бытия, веры и религии. В то же время они свидетельствуют о глубоком идейном и политическом расколе российского общества накануне революции, в том числе его художественной элиты. Переписка Горького с Васнецовым выявила непреодолимую пропасть в их религиозных и общественно-политических взглядах. Особенно отчетливо это проявилось в их отношении к Толстому и его конфликту с Русской Православной Церковью. Ожесточенный идейный спор о Толстом стал главной причиной прекращения дружеских отношений писателя и художника.

Свой доклад «Притчевые традиции в творчестве Л. Н. Толстого и С. А. Есенина» В. Ю. Евдокимова посвятила вопросам влияния «народных рассказов» и притч Толстого на поэтическое творчество Есенина. Были рассмотрены обращения к притчевым сюжетам, «Николины притчи», переработка известных текстов, проанализировано есенинское стихотворение «Шел Господь пытаться людям в любви...» (1914) как пример раннего осмысления этого жанра. В. Ю. Евдокимова убедительно проиллюстрировала неслучайный характер формирования этой традиции, проанализировав круг чтения Есенина в период его пребывания в Константиновском земском училище (1904–1909), на примере учебных пособий «Вешние всходы» Д. И. Тихомирова и «Наше родное» А. Г. Баранова, «Сказки и были Л. Н. Толстого» Я. Борина и отдельных изданий рассказов писателя. В. Ю. Евдокимова пришла к выводу о том, что изучение первых опытов поэта, созданных не без влияния Толстого, дает возможность проследить, как в последующие годы, в более поздних произведениях Есенина «притчевость» становилась одной из основ его лирики.

«Странно сближены» во времени имена Л. Н. Толстого и А. Т. Твардовского: год смерти первого стал годом рождения второго. Двум отчасти сопоставимым по своему значению художникам, создателям уникального национального эпоса — «Война и мир» и «книги

про бойца» «Василий Теркин» — посвятила свой доклад «А. Т. Твардовский о Л. Н. Толстом» д. ф. н. Н. Л. Ермолаева. Впервые, как напомнила Н. Л. Ермолаева, Твардовский был назван рядом с Толстым В. В. Емиловым в связи с публикацией первых глав «Василия Теркина» в октябре 1942 г. К сближению этих имен современники отнеслись по-разному, и, видимо, поэтому имя Толстого стало появляться рядом с именем Твардовского только после смерти поэта в воспоминаниях и исследованиях о нем. По свидетельству близких поэта, для Твардовского Толстой был любимым писателем. Поэт знал в деталях творчество Толстого, его письма, дневники и ставил рядом только два имени в русской литературе: Пушкин и Толстой. Толстовское творчество было для Твардовского своеобразным эталоном художественности. Н. Л. Ермолаева отметила, что интерес Твардовского к Толстому определялся и родственностью миропонимания, эстетических воззрений, что открывается при сопоставлении отношения обоих художников к такому своеобразному явлению, как творчество авторов-непрофессионалов.

А. Я. Дбар в докладе «Л. Н. Толстой и Абхазия: малоизвестные материалы» проанализировал выдержки из дневников писателя и его личного врача Д. П. Маковицкого. Хотя Толстой никогда не бывал в Абхазии, в своих произведениях ничего не писал об этом регионе, однако имеются косвенные свидетельства, как показал А. Я. Дбар, связывающие писателя со «Страной души». Во-первых, это выписка из неустановленного издания со сведениями о местоположении Абхазии, населении, главных укрепленных местах, резиденции абхазского владетеля, а также о вероисповедании абхазов. Выписка, как указал докладчик, относится к 1853 г. и совпадает с периодом армейской службы Толстого. Во-вторых, это брошюра «Устав Сухумского общества борьбы с туберкулезом», изданная в Сухуме в 1908 г. и преподнесенная Толстому с дарственной надписью. Записи Маковицкого касаются несостоявшейся поездки в Абхазию жены писателя Софьи Андреевны; в них есть и упоминания о Гаграх.

Основную часть конференции завершили выступления, посвященные религиозно-философским воззрениям Л. Н. Толстого. Д. ф. н. О. А. Казнина в докладе «Идея всеединства у Льва Толстого и в русской религиозной философии» констатировала, что концепция всеединства занимает умы философов и богословов с древнейших

времен и присутствует в большинстве религиозно-философских учений, которые можно отнести к категории «вечной философии». Эта идея, восходящая к древнейшим метафизическим представлениям о мироустройстве, в полную силу звучит в буддизме и в гностицизме, в Священном Писании и христианской философии, в мысли Платона и Плотина, у стоиков и неоплатоников, в германской мистике, в немецком идеализме, в искусстве и философии европейского романтизма, а также в символизме конца XIX в. В мироощущении единства людей, связи человека с землей и природой, Толстой видел важный элемент формирования религиозного измерения сознания и основу отношений между людьми. Рассуждая о том, что сознание своей отдельности ведет к эгоистическому самоутверждению, он напоминал древнюю истину о том, что вражда и ненависть всегда возвращаются к своему источнику. У Достоевского и у Толстого мироощущение всеединства предполагает «соприкосновение мирам иным», ощущение людьми своей связи с Богом, сознание своей укорененности в высшей реальности. Вслед за В. Соловьевым религиозный и этический смысл всеединства раскрыли представители нового религиозного сознания, в частности С. Л. Франк и Н. О. Лосский; свою точку зрения на концепцию высказал Н. А. Бердяев. Согласно итоговому суждению О. А. Казниной, в представлениях этих религиозных мыслителей о всеединстве ощущается не только влияние В. Соловьева, но в значительной мере воздействие образов, символов и суждений Достоевского и Толстого.

К.и.н. Ю. В. Прокопчук посвятил свой доклад «Феномен сознания в трудах Льва Толстого и Джидду Кришнамурти» сравнительному анализу метафизических основ мировоззрения Толстого и Дж. Кришнамурти (1895–1986). Докладчик рассмотрел интерпретацию феномена сознания, данную этими мыслителями как ключ к пониманию единства мира и человека, истинных духовных ценностей, критики традиционных социальных институтов, насильственных основ миропорядка; сравнил воззрения мыслителей с различными течениями мировой религиозно-философской мысли. Три аспекта восприятия феномена сознания Толстым и Кришнамурти (религиозно-метафизический, психологический и социальный), выделенные и проанализированные в докладе, помогают понять широкий круг проблем, связанных с мировоззрением русского и индийского мыс-

лителей. В итоге был сделан вывод, что два выдающихся представителя мировой культуры и философии близки друг другу по многим мировоззренческим аспектам.

В рамках конференции прошел Круглый стол, на котором коллеги поделились воспоминаниями и размышлениями о Л. Д. Громовой-Опульской — ученом и человеке, учителе, наставнике.

В своем выступлении «Искусство текстологии в научном наследии Л. Д. Громовой-Опульской. К 100-летию со дня рождения» д.ф.н., М. И. Щербакова напомнила собравшимся главные вехи более чем полувекового служения своего учителя русской классической литературе — участие в подготовке академических изданий Л. Н. Толстого, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, С. А. Есенина. Остановившись на теоретических открытиях Л. Д. Громовой-Опульской в области текстологии, прежде всего, относительно прямой и последовательной связи истории текста, творческой воли писателя и научной критики текста, М. И. Щербакова привела яркие примеры изящных решений Л. Д. Громовой-Опульской в подготовленных ею томах Полного собрания сочинений Толстого.

С мемориальным, аналитическим словом «Роль наставника. Памяти Л. Д. Опульской-Громовой» выступил д.ф.н. И. А. Виноградов. Выступающий поделился своими воспоминаниями о Лидии Дмитриевне, личным поучительным опытом общения с выдающимся ученым, общими размышлениями о роли наставника в научной работе. Предметом внимания стало богатое научное наследие Л. Д. Опульской как ведущего текстолога, глубокого специалиста по биографии и творчеству Л. Н. Толстого, русской литературы в целом. И. А. Виноградов особо подчеркнул важность слова наставника в периоды сложных решений, определяющих судьбу молодых ученых на многие годы; рассказал о том, как в свое время сам последовал авторитетному совету Лидии Дмитриевны в выборе направления научной деятельности. Докладчик указал на исключительные заслуги Л. Д. Опульской как председателя Текстологической комиссии ИМЛИ РАН, отметив важную роль Лидии Дмитриевны в организации и формировании научных издательских принципов продолжающегося до сих пор Полного собрания сочинений и писем Н. В. Гоголя. По словам выступающего, с годами все более значимой и образцово-памятной становится высокая научная объективность

трудов Л. Д. Опульской, ее искренняя любовь к предмету исследования и, одновременно, строгое беспристрастие подлинного ученого.

В развитие двух «несущих», фундаментальных докладов многие участники круглого стола также поделились своими воспоминаниями и размышлениями о выдающемся ученом и человеке.